

Резервуар проклятой энергии Годжо Хары, прежде напоминавший скромный кувшин — под стать запасам его младшего брата Сатору, — после начала постижения законов мироздания разросся до размеров огромной цистерны и продолжал неуклонно шириться. С ростом вместимости множилась и сама энергия, наполняя его бесконечным, бьющим через край потоком.

Любовь к Сатору обращалась нескончаемой проклятой энергией, мощной и неостановимой. Порой Хара невольно задумывался об этом с легким сомнением. Сила магов рождалась из глубин человеческого негатива, однако его привязанность к брату претворялась в нее без остатка.

«Неужели моя любовь таит в себе темное начало?»

Впрочем, Хара категорически отказывался считать свое чувство порочным или неправильным. С самого рождения они с Сатору были половинками единого целого, неделимым союзом. С годами, проведенными бок о бок, их связь лишь крепла, прорастая в самую душу. Ведь для магов любовь — это и есть величайшее проклятие.

Находясь внутри расширения территории Сатору, Хара всем существом ощущал, как Шесть глаз непрерывно транслируют в его разум колоссальный, почти бесконечный поток информации. Сатору держал руку на его плече, ограждая брата от прямого удара техники, однако пассивное восприятие органов чувств отключить было невозможно — мозг Хары против воли обрабатывал гигантские массивы данных.

Хара слегка нахмурился:

— Сворачивай территорию. Информации слишком много.

Сатору на мгновение растерялся, но тут же сообразил, в чем дело. Плотность информационного потока в его пространстве была так велика, что даже без прямой угрозы Шесть глаз брата подвергались колоссальной нагрузке. По сути, Хара испытывал постоянное ментальное давление. Сатору торопливо развеял барьер.

Хара устало потер переносицу, пытаясь унять тупую головную боль. Сугуру Гэто и Сёко Иэири, оставшиеся снаружи, видели лишь глухую темную сферу барьера. Заметив, что вышедший из территории Хара выглядит неважно, они тут же поспешили к братьям.

— Хара, ты как? — с тревогой спросил Сугуру. — Сатору что, атаковал тебя?

Хара слабо качнул головой и ободряюще улыбнулся:

— Нет, все в порядке. Просто территория Сатору — худший кошмар для обладателя Шести глаз. Даже без направленной атаки органы чувств продолжают пассивно собирать

колоссальные объемы информации. Мозг немного переутомился.

Сатору мгновенно растерял весь свой хвастливый задор. Бросив Гэто и Сёко короткое: «Я отведу брата отдохнуть», он схватил Хару за руку и перенес их прямо к дверям спальни. Распахнув дверь, Сатору бережно уложил брата в постель и натянул одеяло до самого подбородка.

— Так, быстро спать! Тебе нужно восстановить силы!

С этими словами Сатору сбросил обувь и сам бесцеремонно забрался под теплое одеяло.

Огромная кровать без труда вмещала двоих рослых юношей. На губах Хары сама собой заиграла мягкая улыбка. Полюбовавшись немного точеным профилем устроившегося рядом брата, он прикрыл глаза, полностью расслабился и погрузился в глубокий, спокойный сон.

В последнее время на его плечи легло слишком многое. Сначала срочный вылет за границу ради зачистки проклятого духа особого ранга — пусть сама битва завершилась мгновенно, изнурительная дорога и непреходящая тревога из-за инцидента с Сосудом звездной силы лишили его сна. Ему приходилось постоянно перепроверять планы и просчитывать риски. Да и приструнить верхушку Главного совета магов — этих старых гнилых мандаринов — оказалось задачей куда более тонкой, чем обычные угрозы или показательная казнь.

Куда сложнее было разобраться с последствиями. Требовалось решить, как заполнить образовавшийся вакуум власти, как наладить взаимодействие с гражданским правительством и как не допустить, чтобы уцелевшие старейшины от страха сплотились против него в отчаянной попытке защитить свои шкуры. Нужно было действовать ювелирно, аккуратно балансируя на грани, и все эти вопросы Хара контролировал лично.

Изнуренный бессонными ночами, теперь, ощущая рядом тепло брата, он наконец позволил себе отпустить контроль. Перегруженный информацией разум мгновенно сдался, погрузив его в глубокое забытие.

Почувствовав, что брат уснул, Сатору открыл глаза. Ему не требовалось поворачивать голову или совершать лишние движения, способные потревожить чуткий сон — круговой обзор Шести глаз позволял во всех деталях видеть лицо Хары.

Сатору замер, молча созерцая его спящим. Брат виртуозно скрывал усталость, а постоянная подпитка тела обратной проклятой техникой стирала малейшие следы переутомления, но то, как стремительно Хара провалился в сон, говорило само за себя. Он был истощен.

Сатору так и остался лежать рядом, охраняя чужой покой. Сна не было ни в одном глазу, но он просто тихо лежал рядом, не желая оставлять брата одного.

Хара проснулся только на следующий день ближе к полудню. Осознание того, насколько долгим и глубоким оказался его сон, искренне его удивило. А уж когда он понял, что Сатору все это время преданно караулил его постель, мягкая улыбка окончательно озарила его лицо. Наскоро умывшись, Хара потянул брата за собой в столовую.

— Заботиться о моем покое — это прекрасно, но о еде забывать не стоит. Ты же проголодался, наверное?

Сатору недовольно заворчал:

— А кто виноват, что ты у нас такой чуткий? Стоило мне шевельнуться, ты бы сразу проснулся. Я даже Сугуру в комнату не пустил, когда он пытался принести еду, чтобы он ненароком не зашумел.

Хара лишь покачал головой, тихо рассмеявшись.

Плотно пообедав в столовой, братья ленивой походкой направились к учебным классам.

Яга Масамити как раз читал лекцию для Сугуру и Сёко. Заметив, что близнецы не спеша вкатились в класс лишь к середине урока, он не выдал ни слова упрека. По слухам из Главного совета Яга прекрасно понимал, каких колоссальных трудов стоила Харе недавняя зачистка верхушки. Парень заслужил полноценный отдых, да и то, что Сатору не отходил от него ни на шаг, тоже было вполне объяснимо.

Дерзкая выходка Хары надолго лишила Главный совет спеси — перепуганные насмерть старейшины забились по углам и притихли. Отправляемые теперь в Токийский колледж поручения больше походили на щедрые подарки: плата за них была баснословной, а реальный риск — минимальным. Разумеется, безопасность эта была относительной. Харе, как магу особого ранга, все равно перепадали исключительно опаснейшие проклятия.

В конце концов, кроме близнецов и Сугуру Гэто, выполнять подобные задачи было некому. В прежние времена старейшины с радостью завалили бы их троих неподъемной работой, лишив сна и покоя, но после жесткого предупреждения Хары они трусливо попрятали когти. Теперь к сильнейшим ученикам обращались лишь тогда, когда ситуация становилась критической.

Из всей тройки близнецы Годжо были откровенно неуправляемыми фигурами, связываться с которыми никто не желал. Естественно, главной мишенью для старейшин стал Сугуру Гэто. Юноша свято верил в свой кодекс чести: сильный обязан защищать слабого, а долг мага — оберегать простых людей от проклятий. Руководствуясь этими идеалами, Сугуру безропотно брался за любую присланную работу. Как бы он ни устал, ради спасения жизней он пересиливал изнеможение и шел до конца, пряча глухое раздражение поглубже в душу.

Однако Хара, зная, насколько Сатору дорожит другом, давно включил Гэто в сферу своих интересов. Благодаря влиянию клана Годжо все поступающие Сугуру запросы предварительно

фильтровались. Ему оставляли лишь действительно сложные поручения, соответствующие статусу мага особого ранга, что позволило существенно снизить общее число выездов.

Но даже с учетом этого Сугуру регулярно отправляли на самые выматывающие задания — например, обеспечивать безопасность высокопоставленных чиновников или влиятельных бизнесменов, на которых охотились сильные духи. Подобная охрана всегда была в разы хлопотнее простой зачистки территории. К тому же богачи и политики, ставшие мишенью для проклятий, в большинстве своем оказывались гнилыми людьми.

Недавно Сугуру вернулся как раз с такого дежурства. Юноша выглядел мрачнее грозовой тучи, словно над ним непрерывно лил невидимый дождь. Хара заметил его подавленность, но вмешиваться не стал: проклятая энергия магов рождается из темных эмоций, и сейчас энергия внутри Гэто буквально бурлила. Если внутренние терзания помогали ему расти над собой, глупо было этому препятствовать.

Зато Сатору искренне беспокоился о друге:

— Сугуру, что с лицом?

Гэто замялся, но все же решился выговориться:

— Сегодня я спас одного человека от преследования проклятого духа... Но теперь меня гложут сомнения. Правильно ли я поступил?

Прежде он никогда не сомневался в своем долге. Однако, уничтожив духа первого ранга, Сугуру краем глаза заглянул в его остаточные воспоминания. Картины зверств, учиненных спасенным им чиновником над своими жертвами, потрясли его до глубины души. Неужели, защищая это высокопоставленное ничтожество, он собственноручно развязывает ему руки для новых бесчинств?

Впервые в жизни идеалы Сугуру пошли глубокими трещинами. Заслуживает ли каждый человеческий мусор спасения? Люди, погибшие в страшных муках, оставили после себя концентрированную ненависть, которая переродилась в проклятие. Этот дух пришел лишь за тем, чтобы свершить справедливое возмездие, покарать своего мучителя. И что сделал великий защитник слабых? Стер мстителя с лица земли, вырвав негодяя из лап заслуженной смерти.

Об изгнании проклятого духа Сугуру не жалел. Пускай тот и ведомый жадой мести, потерявший рассудок монстр после убийства своего палача неизбежно принялся бы косить всех подряд. Уничтожить его было долгом. Но спасти при этом ублюдка... Сильный обязан оберегать слабых. Он — маг, вершина пищевой цепочки, а этот чиновник — обычный человек, беззащитная жертва. Логика безупречна, однако на душе скребли кошки. Вместо триумфа Сугуру ощущал лишь сосущую пустоту и горькое раскаяние. Раздвоение между долгом и личным чувством справедливости причиняло ему невыносимую боль.

Сатору выслушал его с искренним недоумением:

— Ну ты и раздул трагедию, Сугуру. Хочешь — спасай, не хочешь — дай сдохнуть. Если этот тип настолько мерзок, мог бы спокойно подождать в сторонке, пока дух пустит его на фарш, а уже потом зачистить территорию. Ну опоздал немного, с кем не бывает? Проклятие изгнано, формально долг выполнен. А если старые мандарины из совета начнут вонять — мы им просто лица набьем!

Сатору понимал, отчего терзается его друг, но сам он с пеленок воспитывался в клане Годжо и успел наглядеться на такую грязь, по сравнению с которой грехи земного чиновника казались детской шалостью. Его собственное мировоззрение было непоколебимо: Сатору всегда действовал по наитию, не позволяя общественной морали диктовать ему условия. Не нравится человек — пусть помирает, его это не колышет.

Но Сугуру так не умел. Выходец из обычной семьи, воспитанный на идеалах чести и справедливости, он физически не мог хладнокровно взирать на чужую смерть. Спасая же мразь, он запускал механизм беспощадного самоедства.

Глядя на беззаботную уверенность Сатору, Сугуру с горечью осознал: его друг выкован из совершенно другого теста. Внутренний стержень Сатору был гораздо прочнее — его невозможно было сломить подобными дилеммами. Гордость не позволила Гэто дальше обнажать душу. Справившись с эмоциями, он нацепил привычную маску спокойствия и кивнул:

— Пожалуй, ты прав. Что сделано, то сделано, глупо теперь сокрушаться.

Сатору бросил на него внимательный взгляд. Он прекрасно видел, что друг лишь спрятал рану поглубже, но расспросами донимать не стал. Он искренне верил, что Гэто переболеет этой глупостью и выйдет победителем. В конце концов, даже у лучших друзей должно оставаться личное пространство. Сатору часто вел себя бесцеремонно, однако в ключевые моменты его интуиция работала безотказно. Он знал: Сугуру слишком горд, чтобы позволить кому-то — даже лучшему другу — копаться в своих слабостях.

Вскоре Сугуру уже вовсю препирался с Сатору, вернувшись к привычному веселому тону. Когда Хара подошел к ним, неся холодную газировку, от утренней хмурости Гэто не осталось и следа. Решив, что столь быстрое исцеление — заслуга младшего брата, Хара довольно улыбнулся.

«Мой Сатору просто чудо. Даже подбодрить друга у него выходит лучше всех»

Однако на следующий день, столкнувшись с Гэто один на один у автомата с газировкой, Хара понял, что вчерашнее веселье было лишь фасадом. Наедине с собой Сугуру выглядел еще более подавленным. Заметив приближение старшего Годжо, юноша мгновенно подобрался и нацепил дружелюбную маску:

— О, Хара-кун. Тоже решил освежиться? Выбирай, я угощаю.

Хара лишь мысленно вздохнул, поняв, что терапия Сатору не дала результатов. Впрочем, раз одноклассник так отчаянно пытался сохранить лицо, лезть с расспросами было верхом бестактности. К тому же для мага отрицательные эмоции — это чистая пища для силы, так что вреда от этих терзаний не предвиделось. Не став лезть в чужую душу, Хара ровно ответил:

— Обычную воду, если не сложно.

Сугуру опустил монету в автомат и протянул Харе покрытую ледяной росой бутылку. Забирая ее, Хара мельком взглянул на палящее июньское солнце, а затем перевел взгляд на Гэто:

— Выглядишь неважно. Перегрелся?

Сугуру вымученно улыбнулся:

— Да так, обычная летняя вялость. Из-за этой духоты аппетит совсем пропал, да еще и кондиционер в комнате еле дышит, толком не спасает.

Хара сорвал пластиковое кольцо с крышки и сделал глоток. Ледяная влага приятно обожгла горло. Самому ему летний зной не доставлял хлопот: Безграничность надежно отсекала раскаленный воздух, а измененное проклятой энергией тело давно не нуждалось в обычной пище, так что проблемы с аппетитом обходили его стороной.

Понять чужую хандру он не мог, но, вспомнив, что они все же приятели, да и за проявленное внимание следовало отблагодарить, Хара мягко предложил:

— Раз так, возьми сегодня отгул и поваляйся в постели. Отдай мне свои сегодняшние бланки, я закрою твои выезды. Все равно сегодня абсолютно свободен.

Обычно Хара работал исключительно по целям особого ранга. Твари подобной силы рождались не каждый день, так что его личный график оставался щадящим. Сугуру везло меньше: помимо редких сложнейших выездов на его долю выпадала львиная доля задач первого ранга.

Услышав предложение, Гэто удивленно вскинул брови, но тут же покачал головой:

— Спасибо, Хара-кун, но не стоит. Задачи не из сложных, я быстро управлюсь сам.

Хара шутливо салютовал ему бутылкой:

— В курсе, что там пустяки. Именно поэтому и берусь — сочтем за плату за воду.

Не давая собеседнику вставить и слова, он развернулся и зашагал прочь, небрежно помахав рукой на прощание:

— Так что никаких возражений. Подобную заботу от меня еще заслужить надо!

В этой легкой, почти капризной манере общения отчетливо сквозили интонации Сатору.

Сугуру действительно ладил с Сатору гораздо лучше. С младшим Годжо они постоянно дурачились, соперничали и спорили, из-за чего быстро сблизились и стали настоящими друзьями. Хара же в его глазах всегда оставался слишком авторитетной фигурой — надежным, взрослым и неприступным. В его присутствии Гэто невольно подтягивался, стараясь соответствовать образу прилежного старосты. Именно поэтому его первой реакцией был вежливый отказ — ему казалось неудобным обременять старшего брата своего лучшего друга.

Скажи такое Сатору, Сугуру без лишних слов всучил бы ему все папки, да еще и постарался бы накинуть сверху задачи на неделю вперед с наглым лозунгом: «Раз мы друзья, страдай за двоих!». Но перед Харой язык не поворачивался вести себя столь беспардонно. Приятельские отношения и истинное братство душ — вещи совершенно разные.

Хара сразу направился к директору.

— Яга-сенсей, Сугуру сегодня совсем раскис из-за жары. Раз уж у меня выдался свободный день, я заберу его сегодняшние выезды себе.

Тем более что Сатору сегодня укатил на собственное задание, и киснуть в пустых стенах колледжа Харе не улыбалось. Яга слегка удивился: прежде Хара вызывался помогать исключительно брату. Впрочем, лишних вопросов директор задавать не стал. О старшем Годжо он был самого высокого мнения: ответственный, надежный, рассудительный и всегда готовый прийти на выручку одноклассникам. Если не брать в расчет его маниакальную, граничащую с безумием гиперопеку над Сатору, парень был практически лишен недостатков.

Яга вытащил из ящика стола папку с документами и протянул Харе:

— Направление в Многопрофильную больницу Канай. Там обосновался очень скрытный проклятый дух, предположительно первого ранга. Ранее туда отправили двоих магов второго ранга, но связь с ними оборвалась. Самое странное, что ни один пациент или сотрудник больницы не пострадал — среди обычных людей пропавших нет.

Хара листал бумаги, вслушиваясь в пояснения директора. Инцидент попал на карандаш к аналитикам «Окна» исключительно из-за аномально мощного фона проклятой энергии. В больнице Канай поправляли здоровье весьма непростые пациенты — местная финансовая и политическая элита, чью безопасность Главный совет магов не мог проигнорировать.

Старые гнилые мандарины из руководства презирали обычных людей и за глаза именовали их не иначе как «обезьянами». Впрочем, это ничуть не мешало им исправно кормиться с рук этих самых богатых «обезьян». Произойди чертовщина в каком-нибудь захудалом спальном районе, никто бы и бровью не повел — на жизни нищих обывателей им плевать. Но угроза жизни спонсоров из элитной клиники была по карманам магов, чего они допустить не могли.

Сперва для разведки выслали мага третьего ранга. Раз никто не пострадал, они сочли, что тварь мелкая и неопасная. Но парень пропал сразу после того, как переступил порог. Почуввав неладное, совет срочно отправил двоих магов второго ранга для зачистки и поисков. Те тоже сгинули без следа. Ситуация запахла жареным, и теперь посылать требовалось как минимум мага первого ранга.

Вот только свободных магов первого ранга в реестре вечно не хватало. Немногие вольные специалисты были задействованы на других направлениях, а клановые снобы не горели желанием рисковать шкурой в мутной истории. В итоге рапорт спихнули Сугуру Гэто — сильнейшему «несистемному» магу особого ранга. Пускай ранг твари оставался неясным, для Сугуру с его личной армией прирученных духов особого ранга эта миссия была легкой прогулкой и шансом разжиться очередным ценным экземпляром.

Захлопнув папку, Хара попрощался с Ягой и покинул кабинет. Его постоянный Вспомогательный управляющий, Ямасита Рин, уехал с Сатору, и хотя Хара мог запросить дежурную машину, трястись в токийских пробках ему не хотелось. Намного проще и быстрее было переместиться напрямую. Окрестности больницы Канай были ему отлично знакомы, так что прыжок в пространстве прошел без сучка и задоринки.

Бесшумно соскользнув на землю в глухом переулке неподалеку, Хара не спеша направился к воротам клиники. Плотная белая лента, скрывавшая его глаза, нисколько не мешала обзору: Шесть глаз отчетливо улавливали структуру энергетических потоков, опутавших всё здание. Хара уверенно отсекал слабый фоновый шум, исходивший от тел обычных людей, и сосредоточился на поиске характерных следов проклятой энергии пропавших магов.

Прежде всего следовало выяснить, живы ли бедолаги. Магов в поле катастрофически не хватало, разбрасываться кадрами было непозволительной роскошью. Если безвременная кончина старых пердунов из руководства заслуживала лишь искренних аплодисментов, то гибель полевых оперативников, ежедневно проливающих кровь на передовой, становилась невосполнимой потерей. Поэтому Хара намеревался вытащить парней, если они еще дышали.

— Простите, вице-капитан Санада! Я немного заблудился в переходах, уже бегу!

Сзади раздался панический крик, и мимо Хары ураганом пронесся взъерошенный подросток с шевелюрой, удивительно напоминавшей кудрявые водоросли. Хара безупречным, отточенным движением уклонился, не позволив торопыге врезаться в себя.